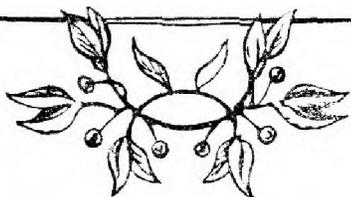

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized leaf or a small bird's tail.

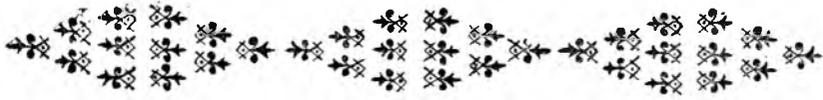

A decorative flourish consisting of a central oval shape with two curved lines extending upwards and outwards, resembling a stylized bird or a winged figure.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

Н. М. Карамзин

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Кто описывая дикаго или естественнаго человека, представляет его невнимательным, нелюбопытным, живущим всегда в одной сфере чувственных впечатлений, без всяких отвлеченных идей — думающим только об утолении голода и жажды, и проводящим большую часть времени во сне и безчувствии — одним словом, зверем: тот сочиняет роман, и описывает человека, который совсем не есть человек. Ни в Африке, ни в Америке не найдем мы таких бессмысленных людей. Нет! и Готтентоты любопытны; и Кафры стараются умножить свои понятия; и Караибы имеют отвлеченные идеи, ибо у них есть уже язык, следствие многих умствований и соображений.

*Нечто о науках, искусствах и просвещении.
Соч., т. 7, стр. 24—25. **

Вы знаете, Милостивые Государи, что язык и Словесность суть не только способы, но и главные способы народного просвещения; что богатство языка есть богатство мыслей; что он служит первым училищем для юной души, незаметно, но тем сильнее впечатлевая в ней понятия, на коих основываются самые глубокомысленныя науки; что сии науки занимают только особенный, весьма немногочисленный класс людей; а Словесность бывает достоянием всякого, кто имеет душу; что успехи Наук свидетельствуют вообще о превосходстве разума человеческого, успехи же языка и Словесности свидетельствуют о превосходстве народа, являя степень его образования, ум и чувствительность к изящному.

1818. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорской Российской Академии наук 5 декабря 1818 года. Соч., т. 9, стр. 305—306.

---

* Н. М. Карамзин. Сочинения. СПб., 1820 г. Ссылки даны, в основном, по этому изданию.

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ¹

Будем только справедливы, любезные сограждане, и почувствуем цену собственного. Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою: французские, английские авторы могут обойтись без нашей похвалы; но русскому нужно по крайней мере внимание русских.

...я осмелюсь попенять многим из наших любителей чтения, которые, зная лучше парижских жителей все произведения французской литературы, не хотят и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желают, чтобы иностранцы уведомяли их о Русских талантах? Пусть же читают французские и немецкие критические журналы, которые отдают справедливость нашим дарованиям, судя по некоторым переводам *. Кому не будет обидно походить на Даланбертову мамку, которая, живучи с ним, к изумлению своему услышала от других, что он умный человек? Некоторые извиняются худым знанием Русского языка: это извинение хуже самой вины <...> Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной Поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французской; способнее для изливания души в тонах; представляет более аналогических слов, то есть сообразных с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки! Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски, и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка: мудрено-ли, что не умеем изъяснить им некоторых тонкостей в разговоре? Один иностранный министр сказал при мне, что «язык наш должен быть весьма темен, ибо Русские, говоря им, по его замечанию не разумеют друг друга, и тотчас должны прибегать к французскому». Не мы ли сами подаем повод к таким нелепым заключениям? — Язык важен для Патриота <...> Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!

До сего времени Россия беспрестанно возвышалась как в политическом, так и в нравственном смысле. Можно сказать, что Европа год от году нас более уважает — и мы еще в середине нашего славного течения!

*О любви к отечеству и народной гордости.
Соч., т. 7, стр. 136—139.*

Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своем, почти без всякого чуждого примеса, течет

* Таким образом самый худой французский перевод Ломоносова Од и разных мест из Сумарокова заслужил внимание и похвалу иностранных журналистов.

как гордая, величественная река — шумит, гремит — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!

Письма русского путешественника. Соч., т. 5, стр. 238.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

О СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ И ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА²

Изданием Словаря и Грамматики заслужив нашу благодарность, Академия заслужит конечно и благодарность потомства ревностным, неутомимым исправлением сих двух главных для языка книг, всегда богатых, так сказать, белыми листами для дополнения, для перемены необходимых по естественному, безпрестанному движению живого слова к дальнейшему совершенству: движению, которое пресекается только в языке мертвом. Сколько еще трудов ожидает Вас, милостивые государи!..

Главным делом вашим было и будет систематическое образование языка: непосредственное же его обогащение зависит от успехов общежития и Словесности, от дарования писателей — а дарования единственно от судьбы и природы. Слова не изобретаются Академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслию одушевленные слова, входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надобно только открыть или показать оныя.

1818. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорской Российской Академии наук 5 декабря 1818 года. Соч., т. 9, стр. 308—309.

...я пользуюсь дружбою одного, крайне ученого мужа, который живет единственно для *склонения и спржжения*, божится *родами*, видит во сне *наречия*; и если, марая бумагу, ошибаюсь менее других — если умею иногда задуматься над словами, умею быть осторожным — то конечно ему обязан сею выгодою. Всякой месяц хожу к нему раза два, и всякой раз возвращаюсь домой с новым почтением к Грамматике <...> В доме видите везде живописные аллегории и эмблемы Грамматики <...> На дверях его кабинета написано крупными буквами: *Человек всего более отличается от других животных словом или языком; следственно наука языка есть истинно человеческая и важнейшая*. В самом кабинете изображена Грамматика в виде Египетской богини Изиды, закутанной в пелены, и надпись говорит: *никто из смертных не умел снять их, ибо хозяин думает,*

что мы еще не имеем совершенной Грамматики — и когда я принес ему новейшую, он побледнел, увидев в ней роспись глаголов: *кальвать, гаривать, балывать, жидать, лыгать, колеблывать, трепливать*, и воскликнул голосом сокрушенного сердца: «О Небо! когда в сем наклонении бывали такие глаголы в языке Русском? Можно ли *изъявительное* так своевольно обратить в *неокончателъное* и глаголы *недостаточные* в *полные*? Можно ли забыть, что некоторые из них употребляются только с *предлогами*, как-то: *накальвать, ожидать, прилыгать?*» — Слезы текли ручьями по лицу чувствительного старца. Я не мог видеть его печали, ушел, и через две недели снова явился в кабинет ученого мужа.

Он казался уже гораздо спокойнее, сам начал говорить о новой Грамматике, хвалил в ней многия полезные замечания, но осуждал разделенне глаголов по их *неокончателъному наклонению*, доказывая его неверность и сбивчивость. «Мой друг! сказал он: нам дают правила; но всякое из них рождает исключение. Я могу вытвердить их наизусть и безпрестанно ошибаться: следовательно правила неосновательны. На пример: Авторы говорят, что глаголы, которые в *неопределенном наклонении* оканчиваются на *ать*, переменяют сии буквы в *изъявительном наклонении первого лица настоящего времени* на *ю*; но они должны тотчас приомлвить, что глаголы *плакать, кликать* и многие другие уклоняются от сего закона! Не будем клеветать на язык: он имеет верные законы для изменения букв в разных случаях глагола; но мы только еще не открыли их <...> *Спряжения* во всех коренных языках составляют главную трудность: кто приведет их у нас в ясную систему, того ожидает венец бессмертия; но сей великий мудрец, сей блаженный смертный, еще не родился. Я поседел над глаголами и не дерзаю думать о системе!

Однакож небо награждает усердие друзей истины, и естли не совсем, то хотя сколько-нибудь озарят их светом ея. Таким образом и мне удалось открыть в разсуждении глаголов истинное правило — *истинное*, говорю: ибо оно не имеет ни одного исключения. <...> Все глаголы, которые в настоящем времени, в третьем лице единственного числа кончаются на *ит*, должны во множественном числе того же лица и времени оканчиваться на *ят* или *ат* (*мчит, мчат; славит, славят*); другое же окончание единственного числа, с буквою *е* вместо *и*, переменяется во множественном всегда на *ут* или *ют* (*владеет, владеют; лжет, лгут*). Теперь найдите, любезный друг, хотя один глагол, который уклонялся бы от сего правила! Даю вам час, годы, век на размышление! <...> Через несколько минут глубокого молчания я смиренно объявил ему, что в самом деле не умею придумать ни одного исключения, но что не вижу также и большой пользы сего правила. «Пользы!» возразил он с живостию: «а разве авторы наши не пишут *надеяться* вместо *надеются*, *сеят* вместо *сеют* и *стоят* вместо *стоят?*» <...> Мы в другое свидание говорили с ним об именах числительных: он доказывал, что наши

Грамматикки не дают верного правила для сочинения их с другими именами, и сказал: «Вы найдете в Грамматике, что надобно говорить: *два человека, семь рублей*: важное наставление! Кто из Русских ошибается в этом случае? Но где же узнаете, как должно писать: *с двумястами Гранадер* или *Гранадерами*, *с двумя тысячами рублей* или *рублями*? Вот камень преткновения! вот узел Гордиев!» <...>

Я желал сведать правило <...> «Вот оно», отвечал великодушный Грамматик <...> «если имя числительное не имеет рода (как-то: *два, пять, десять, семьдесят*), то существительное должно быть с ним в одном падеже, и мы говорим: *в шестидесяти рублях*, а не *рублей*; когда же число имеет род (например: *пяток, десяток, сотня, тысяча, миллион*) то имя, за ним следующее, должно быть всегда в родительном падеже, и надобно говорить: *тысячами рублей, в миллионе душ*, а не *тысячами рублями, не в миллионе душах*. Когда же за тысячами или за миллионом следует число безродное, то существительное принимает его падеж, и надобно писать: *с двумя тысячами двадцать Гранадерами*, а не *Гранадер*» — Хорошо, сказал я: по числу сто имеет ли род по сему правилу, и как надобно сочинять его с именами? — «Браво, браво, любезный друг!» ответствовал ученый муж: «этот вопрос доказывает, что Гений Грамматикки, пролетая вселенную, махнул крылом над твою головою! Так, число сто приводило меня в сомнение; но я уверился наконец, что оно имеет род, когда мы говорим: *первое сто, второе сто*, и когда оно употребляется во множественном числе: *пять сот, шесть сот*, и проч. Это решительно — и в следствие моего правила должно говорить: *с тремястами Руских*, а не *Рускими*. — Таким образом любовь к великой науке от времени до времени производит открытия; но (говорю и повторю), что Российская Грамматика есть доньше богиня Изиды в пеленах: никто еще не обнажил всех ее тайностей. Мой друг! гораздо легче иметь полную, ясную, мудрую систему гражданского законодательства, нежели языка; гораздо легче сделаться всем судьям правосудными, нежели всем писателям грамотными» <...> Мы счастливы и тем, что можем надеяться — и я заказал уже первому живописцу нашей Академии представить на картине Минерву, выходящую в блестящих доспехах из Юпитерова мозга: она будет для меня образом Грамматикки, которая со временем выдет из головы мудрецов Российских, вооруженная верными правилами на все возможные случаи языка. В последнюю минуту жизни моей взгляну на эту картину, и спокойно закрою глаза навеки!»

Но сей огненный любовник правил не может терпеть излишно строгих. Он разсердился до крайности на сочинителей упомянутой новейшей Грамматикки, которые говорят решительно, что предлог *между* требует всегда падежа творительного, и что родительный есть в таком случае ошибка. «Мой

друг! сказал он: *употребление* есть избалованное дитя народов, с кстерым нельзя обходиться сурово; надобно во многом щадить его. Давно уже Русские говорят: *между полями и между полей*, соображаясь иногда с приятностию слуха. Сохрани нас бог от тиранства! Грамматик должен быть добродушным и жалостливым, особенно к стихотворцам. Ах! они и так не редко стенают от упругости длинных слов в языке Руском: начто их обременять лишними слогами? Нет, у нас не каменные сердца; нет! Грамматик чувствительной, и даже справедливой, с обыкновенною искренностию скажет им: пишните смело *между яслинов и лилей*, вы, невинные дети Аполлоновы! Пишните, как вам угодно — как вам угодно, друзья мои!»...

Великий муж русской грамматики. Соч., т. 8, стр. 134—135.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРЫ³

Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам Руским еще более труда, нежели другим. Француз, прочитав Монтеня, Паскаля, 5 или 6 авторов века Лудовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля*, может совершенно узнать язык свой во всех формах; но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только матерпальное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красот от художника. Истинных Писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенныя мысли. Русской *Кандидат Авторства*, недозвольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски <...> Чтож остается делать автору? выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения! Мудрено ли, что сочинители некоторых Русских комедий и романов не победили сей великой трудности, и что светския женщины не имеют терпения слушать или читать их, находя, что так не говорят люди со вкусом? <...> Одним словом, французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как

* Как сочинителя единственных сказок.

в живописных картинах), а Русской только отчасти: французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом.

Отчего в России мало авторских талантов.
Соч., т. 7, стр. 217—219.

С величайшим вниманием читал я снова ваше Созерцание Природы, и могу сказать без тщеславия, что надеюсь перевести его с довольною точностию; надеюсь, что не совсем ослаблю слог ваш. Но для того, чтобы сохранить всю свежесть красот, находящихся в подлиннике, мне надлежало бы иметь Боннетов дух. Сверх того язык наш хотя и богат, однакож не так обработан, как другие, и по сие время еще весьма немногия философическия и физическия книги переведены на Руской. Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем; но отдавая всю справедливость сему последнему, которого богатство и сила мне известны, скажу, что наш язык сам по себе гораздо приятнее.

Письма русского путешественника. Соч., т. 3, стр. 203—204.

Жаворонок очень хорош. Я хотел бы, чтобы стих: *и любви не помышляла*, был глаже, и чтобы вместо *встрепенясь* поставил ты другое слово; надобно сказать *встрепенувшись*. *Пичужечки* не переменай — ради бога не переменай. Твои советники могут быть хорошими в другом случае, а в этом они не правы. Имя *Пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезныя идеи: *о свободе и сельской простоте*. К тону басни твоей нельзя прибрать лучшего слова. *Птичка* почти всегда напоминает клетку, следственно неволю. *Пернатая* есть нечто весьма неопределенное. Слыша это слово, ты еще не знаешь, о чем говорится: о струе или колибри.

То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит *пичужечка* и *парень*; первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красной летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку, и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: *вот гнездо! вот пичужечка!* При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квас!* Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей! — И так, любезной мой, нельзя ли вместо *парня* употребить другое слово?

*Из письма к И. И. Дмитриеву от 22 июня 1793 г.,
СПб., 1866, стр. 39.*

Все хорошо воспитанные англичане знают французский язык, но не хотят говорить им, и я теперь крайне жалею, что так худо знаю английский. Какая розница с нами! У нас всякой, кто умеет только сказать: *comment vous portez-vous?*⁴ без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски; а в нашем так называемом *хорошем обществе* без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? За чем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других; надобно только, чтобы наши умные светские люди, особливо же красавицы, поискали в нем выражений для своих мыслей. Всего же смешнее для меня наши *остроумцы*, которые хотят быть французскими авторами. Бедные! они счастливы тем, что француз скажет об них: *roug un étranger, Monsieur, n'écrit pas mal!*⁵

Письма русского путешественника, Соч. т. 5, стр. 159.

Француз, который жил долго в России и возвратился в свое отечество, публикует оттуда в Московских газетах*, что он близ Парижа завел пансион для русских молодых дворян, и приглашает родителей отправить к нему из России детей своих на воспитание, обещая учить их всему нужному, особливо же языку русскому! Живучи в уединении, я не знаю, что другие подумали о таком объявлении. Мне кажется оно более смешным, нежели досадным: ибо я уверен, что наши дворяне не захотят воспользоваться благосклонным предложением господина NN <...>

<...> Природный язык для нас важнее французского; а господин NN, не смотря на свое милостивое обещание, не выучит детей наших в Париже говорить так хорошо по-русски, как они здесь выучатся. Питомцы его, через 6 или 7 лет возвратясь в Россию, стали бы терзать слух наш варварскими своими фразами; они сказали бы нам «мы *говорим язык* свой; мы знаем *Математики*; мы *представляем наши почтения* согражданам»** — а сограждане назвали бы их глупцами, невеждами, дурно-воспитанными людьми; ибо кто не знает природного языка, тот конечно дурно воспитан, хотя бы знал наизусть и все книги браминов; они сказали бы сим полу-галлам: «за чем вы к нам приехали? за чем не остались во Франции? Мы не признаем вас земляками своими; вы недостойны называться русскими, которые гордятся языком Святослава, Владимира, Пожарского, Петра Великого. Вы не имеете отечества: ибо и самые французы, не смотря на то, что вы прекрасно даете чувствовать немое *e*, не признают вас французами!» ...И добродушные родители, лишь

* В первых номерах Декабря месяца 1801.

** Такие фразы слышали мы от русских французов. Некоторые из них утверждают даже, что наш язык не имеет правил. Несчастные!

себя неизъяснимого удовольствия видеть на лице и в душе милых детей расцветание красоты физической и нравственной, вместо благовоспитанных людей увидели бы в них французских обезьян или попугаев, которые наименовали бы им всех парижских актеров, а не умели бы с чувством произнести священного имени России, отца, матери и сограждан!

Странность. Соч., т. 9, стр. 135, 139—140.

О ПЕРЕВОДАХ С ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВОМ НОВАТОРСТВЕ

Перевод ваш, любезнейший князь, читал я с живейшим участием: он хорош; со временем будет у вас более легкости в слоге. *Libéralité* принадлежит к неологизму нашего времени: я не мастер переводить таких слов. Знаю *свободу*: из нее можно сделать *свободность*, если угодно. *Libéral* в нынешнем смысле *свободный*; *законно-свободный* есть прибавок. В старину говорили, что закон с свободою живут как кошка с собакою. Всякой закон (гражданский) есть неволя. Но это глубоко и заведет нас далеко. Радуюсь всему хорошему, что быть может, и говорю: дай бог!

Из письма к П. А. Вяземскому от 8 апреля 1818 г.

Смело переводите *gégence*, *gégent* *правление* и *правитель*, а *gouvernement* *правительство*, *administratif* *управительный*; но *attribution* лучше *принадлежность*, нежели *присвоение*, которое значит другое. *Foncière* не *поземельная*, а *недвижимая*. Не сказал бы я ни *узакониться*, ни *укорениться*: лучше *вступить в подданство*, *сделаться гражданином* и прбч. *Туземец* хорошо.

Из письма к П. А. Вяземскому от 30 мая 1818 г.

Н. М. КАРАМЗИН

1. Н. М. Карамзин, как и многие из его предшественников, ведет упорную борьбу за родной язык, нападает на «чужебесие», но в его высказываниях нет последовательного, принципиального обличения дворянского космополитизма, дворянского пренебрежения русским языком и русской культурой.

2. Карамзин, тонкий знаток и русского языка и его грамматики, высказывает правильные суждения об обогащении словарного состава русского языка. В определении роли и значения грамматических правил он исходит из учения Ломоносова, полагая, что правила языка не изобретаются, а существуют уже в нем.

Приводимые отрывки интересны в этом отношении.

3. Карамзин советует писателям для усовершенствования, для обогащения своего языка «совершенно узнать» родной язык, слушать разговоры «вокруг себя», «выдумывать, сочинять выражения».

Но что это значит «вокруг себя!» — «В лучших домах», чтобы и писать затем так, чтобы светские женщины имели терпение их читать. Борьба Карамзина за точность словесного выражения является у него одновременно борьбой дворянина-крепостника против демократизации речи. Поэтому он протестует против таких слов как «пот», «потупленная» голова и т. д. Особенно характерны в этом отношении его возражения против слова «парень» и любованье словом «пичужечка». Действительно, слово «пичужечка» в устах крестьянина того времени передает «покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу». Дворянскому сердцу Карамзина дорог именно «покойный» крестьянин, удовлетворенный своим крепостным положением. Слово же «парень» говорит Карамзину другое.

4. *Comment vous portez-vous?* — Как вы поживаете?

5. *Pour un étranger, Monsieur, n'écrit pas mal!* — Для иностранца господин пишет неплохо! (Прим. Карамзина.)